

*Свидетельства воинов
о помощи Божьей
на войне*

СЕРГЕЙ ГАЛИЦКИЙ
**ИЗ СМЕРТИ
В ЖИЗНЬ...**

Советские солдаты России

Да воскреснет Бог, и расточит от лица сгн, тако да от Пречестной и Живоносной Владычицы и Желотворицы...
...и от савесе мтежи; мениа Феома...
...падет от станы твое...
...не придет к тебе зло, и рана...
...наступит, и поперешь аба и...
...е Мо.

Сергей Галицкий

Из смерти в жизнь...

Советские солдаты России

«Галицкий С.Г.»

2017

Галицкий С. Г.

Из смерти в жизнь... Советские солдаты России /
С. Г. Галицкий — «Галицкий С.Г.», 2017

ISBN 978-5-4380-0175-1

Во 2-й части книги «Из смерти в жизнь. Советские солдаты России» читатели познакомятся с новыми свидетельствами о помощи Божьей нашим воинам в Афганистане и на Кавказе. Об этом рассказывают Герой России полковник А.И. Пегишев, полковник Т.П. Дегтярёв, старшина В.М. Чередниченко, полковник Н.Г. Лашков, рядовой ВДВ В.Н. Емолкин. Особое значение имеет свидетельство старшины Виктора Чередниченко о явлении ему в Афганистане перед боем Пресвятой Богородицы в Кабуле в ночь с 10 на 11 мая 1986 года.

ISBN 978-5-4380-0175-1

© Галицкий С. Г., 2017

© Галицкий С.Г., 2017

Содержание

От автора	6
Советский солдат афганской войны	7
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Галицкий Сергей Геннадьевич
Из смерти в жизнь.
Советские солдаты России

© С.Г. Галицкий. 2017

От автора

Первая часть книги «Из смерти в жизнь» вышла в 2011 году. Она стала естественным продолжением серии изданий «Они защищали Отечество». В основу первой части легли свидетельства о помощи Божьей на войне, ранее уже опубликованные в фотоальбомах этой серии. Мне оставалось эти свидетельства немного дополнить и оформить в виде книги. Когда книга только вышла, многие стали спрашивать: будет ли продолжение? И я самонадеянно обещал это продолжение написать... Самонадеянно потому, что на тот момент никакого задела для новой книги не было.

Но отступить было некуда... И я стал специально (!!!) искать достоверные свидетельства о помощи Божьей на войне. В бесплодных поисках провёл почти полгода. С кем я только ни говорил, кого только ни спрашивал. Ничего... И вдруг зимой 2012 года произошла необъяснимая перемена. Раздался телефонный звонок: незнакомая женщина, которая прочитала первую часть книги, сообщила о фронтовике Тимофее Павловиче Дегтярёве. (Они оба прихожане храма в честь Рождества Иоанна Предтечи на Каменном острове.) Тимофей Павлович рассказывал ей, что каждый день, пока он был на фронте, его отец молился за него Богу с тысячей земных поклонов.

А дальше как будто рухнула невидимая преграда! На выставке ко мне подошла женщина, которая в Петербурге вообще была только проездом. Но после разговора с ней родился пронзительный рассказ о российском солдате, который под ураганным обстрелом «градами» почти умер и предстал перед Судом Божиим... На той же выставке я коротко переговорил со спортивного вида офицером. В результате получилось свидетельство полковника Николая Лашкова о помощи его небесного покровителя, Святителя Николая Чудотворца, при обстреле вертолёт в Чечне. А этим летом произошло вообще удивительное событие! Всем нам – и тем, кто работал над книгой, и тем, кто помогал её изданию, – выпала великая честь свидетельствовать о неизвестном ранее случае явления Пресвятой Богородицы нашему солдату в Афганистане. (Подробно об этом вы узнаете из рассказа старшины Виктора Чередниченко «Явление Пресвятой Богородицы».)

Готовить книгу к изданию мне пришлось долгих полтора года. Я внутренне очень изменился за это время и осознал простую истину. Она прямо вытекает из военной судьбы каждого из героев книги: помни о Боге и храни Ему верность. И тогда Бог не оставит тебя никогда. И я очень надеюсь, что собранные в этой книге свидетельства солдат и офицеров о помощи Божьей на войне поддержат каждого из вас в трудные минуты вашей жизни.

Сергей Галицкий

Советский солдат афганской войны

Виктор Емолкин родился и вырос в глухой мордовской деревне. До армии с трудом закончил школу, работал трактористом в колхозе, токарем на заводе. Казалось, что он пойдёт по стопам многих своих одноклассников, в большинстве своём спившихся в молодом возрасте.

Но срочная служба в ВДВ и война в Афганистане полностью изменили его жизнь. Полтора долгих года он воевал снайпером в знаменитом гвардейском 350-м парашютно-десантном полку 103-й дивизии ВДВ. Участвовал в десятках боевых выходов, был в окружении. Однажды душманы попытались взять его в плен. Но он не сдался, а был готов взорвать себя вместе с ними гранатой. И выжил...

После армии деревенский паренёк закончил очное отделение юридического факультета Ленинградского университета и стал успешным петербургским юристом, партнёром крупной юридической фирмы.

Виктор Емолкин всю свою жизнь хранил в сердце веру православную. Он ни разу не уклонился от того трудного пути, который ему уготовал Господь Бог. И Бог его на этом пути всегда хранил...

Краткая биографическая справка

Рядовой Виктор Николаевич Емолкин родился в 1966 году в Мордовии в селе Косогоры. Закончил школу в 1983 году. Работал трактористом в колхозе, затем в Саранске – токарем на заводе. Был призван в воздушно-десантные войска в 1985 году. После полугода учёбы направлен в Афганистан, в 350-й полк 103-й Витебской дивизии ВДВ. В Афганистане воевал снайпером. Участвовал в шестидесяти восьми боевых выходах, из которых сорок во-семь – с высадкой из вертолёта.

После окончания срочной службы в 1987 году поступил на подготовительное отделение Ленинградского государственного университета, а затем – на очное отделение юридического факультета университета. После окончания работал в различных коммерческих структурах. Стал успешным юристом, партнёром известной петербургской юридической фирмы.

Награждён медалью «За отвагу».

Рассказывает рядовой ВДВ Виктор Николаевич Емолкин:

Афганистан для меня – это самые лучшие годы моей жизни. Афган меня в корне изменил, я стал совершенно другим человеком. Там я мог сто раз погибнуть: и когда в окружение попадали, и когда в плену я был. Но с Божьей помощью я всё равно остался живым.

Служба в ВДВ у меня, как и у многих, началась с того, что в седьмом классе я посмотрел фильм «В зоне особого внимания». И после него я так зарядился любовью к Воздушно-десантным войскам! Вырезал из газет и журналов всё, что там печатали про десантников, носил кирзовые сапоги (портянки завязывать меня бабушка научила), каждый день подтягивался на турнике. Физически я почти полностью подготовился к службе, и, кроме того, в деревне постоянно или пешком ходишь, или на велосипеде едешь. Пройти двадцать пять километров от деревни до ДОСААФа, где я учился на водителя, для меня никакого труда не составляло.

Ребята надо мной смеялись – ведь служить в ВДВ все хотят, но попасть именно туда служить было нереально. Когда я призывался, из всей Мордовии взяли всего восемь человек. Я и сам это понимал, но уж очень сильно загорелся. Уже потом я осознал, что меня вёл Господь, прочитав в моём сердце такое огромное желание.

Школу я закончил в 1983 году. Сначала работал трактористом в колхозе, потом учился в техникуме на токаря. А из колхоза в техникум ушёл потому, что меня привлекли за кражу. В колхозной столовой украли ножи и алюминиевые вилки. Кому они были нужны?! Ведь в

деревне вилками не едят, только в столовой они лежат. Да и там ими никто не пользуется! Но кто-то украл.

Мне объявили: «Ты заходил, значит, ты украл. Признавайся!» И забрали в милицию. Говорят – либо заплатишь двадцать пять рублей штрафа, либо получишь пятнадцать суток. Я: «Оформляйте пятнадцать суток». Как я буду признаваться, если я не воровал? Спас меня следователь, который приехал из министерства с какой-то проверкой. Сидел, слушал меня, слушал... А ему я всё объясняю, что в деревне или деревянными ложками пользуются, или алюминиевыми, никому эти вилки не нужны. Он мне: выйди в коридор. И слышу, как он орёт на местного милиционера: «Ты что пацана на пятнадцать суток сажаешь! Головой-то думай – кому они нужны, эти вилки! Ты сам-то чем ешь?». Тот: «Ложкой». Следователь мне говорит: «Езжай домой».

Я был настолько этой историей потрясён, что написал заявление об увольнении из колхоза и уехал в Саранск к сестре. Хожу там по улицам, не знаю чем заняться до армии. В конце концов решил учиться на токаря. Там дали отсрочку от армии, поэтому первый раз в армию меня забрали только осенью 1984 года.

В областном сборном пункте выяснилось, что меня отправляют служить на три года в морфлот. А я так не хотел в морфлот, был просто убит таким поворотом дела! Тут мне сказали, что есть капитан какой-то, с которым можно договориться. Подхожу к нему: «Я в десантных войсках служить хочу!». Он: «Да была уже отправка в десантные войска. Теперь только до весны». Я: «Да не хочу в морфлот!». Он: «Литр водки принесёшь – организирую».

За воротами стояла сестра, она пошла в магазин и купила две бутылки водки. Я их заныкал в брюки, притащил и отдал капитану. Он отдаёт мне военный билет и говорит: «Вылезай через окно туалета, там тропинка – по ней выйдешь к вокзалу». Я пришёл в свой военкомат и говорю: «Не взяли, вот военный билет – отдали обратно».

В деревне в то время провожали в армию очень пышно: с концертом, с гармошкой. Из дома в дом ходили, провожая парня. Именно так провожали и меня. А тут возвращаюсь, меня не берут почему-то. Родственники: «Странно... Всех берут, а тебя нет. Ну ладно...».

Через две недели снова отправка. На сборном пункте мне говорят: в пехоту. Сначала под Фергану, потом в Афганистан. У меня были права тракториста, поэтому меня наметили взять водителем танка или БМП.

Но в Афганистан я тем более не хотел! Из нашей деревни там служили пятеро: из них один погиб, один раненый, один умер. Ну совсем туда я не хотел! Иду опять к тому же капитану, водку приготовил заранее. Говорю: «Не хочу в Афганистан! В ВДВ хочу, весной призовусь. Организуете?». И водку показываю, её мне снова сестра принесла. Он: «Молодец, ображаешь! В армии всё будет у тебя в порядке». Снова иду через поле на вокзал. В военкомате говорю – опять не берут!

Осенью повестки больше не было. Но в конце декабря пригласили в военкомат – в ДОСААФ пойдёшь учиться на водителя? Говорю: «Пойду». И 10 января 1985 года начал учиться.

Учился я в ДОСААФе около полугода. Туда к нам приезжал полковник, начальник сборного пункта всей Мордовии. Он был десантником! Подхожу к нему, а сам думаю: обязательно опять все смеяться будут, если попрошусь в ВДВ. Но всё-таки спросил: «Товарищ полковник, я мечтаю служить в ВДВ. Как мне туда попасть?». Он: «Очень трудно. Отправка будет 10 мая, попробую тебе помочь».

Повестки всё нет и нет. Поэтому 9 мая я сам пошёл в районный военкомат. Там говорят: «Ты что, обалдел – сам пришёл? Мы повестками приглашаем». И заставили сначала полы мыть, а потом какую-то комнату красить. Я понял, что мне ничего не светит, и пошёл ва-банк. Говорю: «Вообще-то мой родственник у вас тут начальником». Фамилию, имя и отчество полковника я помнил. Они: «Мы сейчас ему позвоним». Полковник поднимает трубку, капитан

ему докладывает, что звонит из такого-то района, и спрашивает: «У вас тут есть родственники? А то у нас парень говорит, что вы его родственник». Полковник: «Нет никаких родственников». Капитан показывает мне кулак. Я: «Скажите, что в таком-то ДОСААФе мы с ним в последний раз общались, фамилия такая-то, я ещё в ВДВ просился! Он забыл, наверное!». И тут произошло чудо, полковник подыграл мне: «Отправьте его ко мне, чтобы срочно был здесь!».

Приехал я в Саранск вечером, поэтому пришёл на сборный пункт только 10 мая утром. А набор в ВДВ состоялся накануне. Полковник говорит: «Всё, ничего не могу сделать. Но попросись у майора, который набирает, может, он тебя возьмёт». Подхожу: «Товарищ майор, возьмите меня! Так хочу служить в ВДВ, просто мечтал! Я и тракторист, и права водителя у меня есть, я борьбой самбо занимался. Не пожалеете!». Он: «Нет, отойди. Я уже набрал восемь человек». И вижу военные билеты у него в руках.

А на сборном пункте несколько сотен человек стоят. Все стали кричать: «Меня возьмите, меня!». Ведь все хотят служить в ВДВ! Я так расстроился, прямо ком в горле встал! Отошёл, сел в углу на какие-то ступеньки. Думаю: «Господи, я же только в ВДВ хочу служить, больше нигде! Что же мне теперь делать, Господи?». Я в буквальном смысле слова не знал, как дальше жить. И тут произошло чудо.

Майор отпустил всех восьмерых, чтобы они попрощались с родителями. Они вышли за ворота и там хорошенько дринькнули. Майор строит их через час, а они – в стельку пьяные: еле на ногах стоят, качаются... Он называет фамилию первого: «Пил?». – «Нет». Снова: «Пил?». – «Да». Потом: «Сколько?». – «Сто граммов». А парень еле стоит. Майор: «Я серьёзно спрашиваю». – «Триста граммов». – «А точно?». – «Пол-литра...». И так всех по очереди, все в конце концов признаются. И вот доходит очередь до последнего. Тот нагло отвечает, что не пил – и всё тут! А сам пьяный в дугу, еле стоит. Майор достаёт его военный билет и отдаёт – держи! Парень, ещё не понимая, в чём дело, военный билет берёт.

А майор поворачивается к толпе, кого-то взглядом ищет. Тут все вокруг поняли, что он парня отшил! Толпа майора сразу окружила, море рук: «Меня! Я, я!..». А я стою на ступеньках и думаю – что за шум, что там такое происходит? Тут майор увидел меня и рукой машет – иди сюда. Я сначала подумал, что он зовёт кого-то другого, оглянулся вокруг. Он мне: «Ты, ты!.. Боец, иди сюда! Военный билет где?». А военный билет у меня уже забрали. – «На пятом этаже». – «Минута времени. С военным билетом сюда, быстро!». Я понял, что у меня появился шанс. Побежал за билетом, а его не отдают! «Какой военный билет? Пошёл вон отсюда! Сейчас будешь полы красить». Я к полковнику: «Товарищ полковник, меня решили взять в ВДВ, а военный билет не дают!». Он: «Сейчас». Забрал билет, даёт его мне: «На, служи! Чтобы хорошо всё было!». Я: «Спасибо, товарищ полковник!». И пулей вниз. Сам думаю: «Господи, лишь бы майор не передумал!».

Подбегаю и вижу душераздирающую сцену: парень, которого майор отбраковал, на коленях стоит и плачет: «Простите меня, простите! Я пил! Возьмите меня, возьмите!». Майор берёт у меня билет: «Встать в строй!». Я встал, внутри всё дрожит – а вдруг он передумает? Про себя: «Господи, лишь бы он не передумал, лишь бы не передумал!..». И тут майор говорит парню пьяному: «Запомни – в ВДВ ты не годишься принципиально. Ты можешь пить, дерзить, делать что угодно. Но такие вруны, как ты, в ВДВ не нужны».

Майор мне: «Попрощался с родителями? В автобус!». Мы сели, а майор всё ходит снаружи. И тот парень за ним ходит, ещё вокруг майора парни просят: «Меня возьмите, меня!..». И пока он минут тридцать оформлял что-то, я волновался и не мог дожидаться – скорее бы поехали!

Наконец майор зашёл в автобус, и мы поехали. Толпа провожала нас, все смотрели с завистью, как будто мы счастливички и едем куда-то в райские кущи...

Майор спросил нас, как хотим поехать: в купе или в эшелоне для солдат. Мы – конечно, в купе! Он: «Тогда по червонцу с каждого». Оказалось, что он заранее забронировал три купе:

два для нас и отдельное для себя. И поехали мы в Москву, как белые люди, в фирменном поезде. Он даже разрешил нам немного выпить. Посидел с нами. Мы его полночи расспрашивали обо всём, нам всё было интересно. А вообще-то я ехал и каждые пять минут щипал себя: не верю! Это же какое-то чудо! Я всё-таки попал служить в ВДВ! А когда отъезжали, мама стояла у окна вагона и плакала. Я ей: «Мама, что же ты плачешь? Я ведь еду в ВДВ!..».

Утром приехали в Москву, поезд на Каунас только вечером. Майор разрешил нам пойти на ВДНХ, пивка выпить. Из Каунаса на автобусе приехали в посёлок Рукла, «столицу» Гайжюнайской учебной дивизии ВДВ. В лесу расположены три полка, масса учебных центров, взлётная площадка. Именно здесь снимали фильм «В зоне особого внимания». И каждый раз, когда я смотрю этот замечательный фильм в сотый раз, то вспоминаю: вот здесь я в карауле стоял, вот тот самый магазин, который в фильме ограбили бандиты, а мы покупали в нём газировку «Буратино». То есть я попал именно в то место, с которого началась моя мечта о службе в ВДВ.

В армию я взял с собой крестик, мне его бабушка дала. В деревне у нас крестики носили все. Но перед отправкой я его брать не хотел, даже свернул с верёвочкой в клубок и положил к иконам. Но бабушка сказала: «Возьми. Пожалуйста!». Я: «Так ведь всё равно отнимут!». Она: «Ради меня возьми!». Я взял.

В учебке сначала нас стали распределять, кто куда годен. Нужно было километр пробежать, потом подтянуться на перекладине, сделать подъём переворотом. Я рвался в разведроту. Но в результате попал в 6-ю роту батальона специального назначения 301-го парашютно-десантного полка. Как потом выяснилось, батальон готовили к отправке в Афганистан...

После проверки физподготовки нас отправили в баню. В баню заходишь в своей одежде, двери за тобой закрывают. А выходишь уже в воинском обмундировании. И тут тебя проверяют дембеля – денежку ищут. Я крестик с верёвочкой сунул под язык. У меня было рублей пятнадцать, я бумажки эти в несколько раз сложил и между пальцами руки зажал. У меня дембеля всё проверили, потом: «Рот открой!». Думаю – наверняка крестик найдут. Говорю: «У меня деньги здесь». И подаю им свои пятнадцать рублей. Они деньги забрали – свободен, проходи. А когда пришли в часть, я крестик под петлицу зашил. Так до самого дембеля я с этим зашитым крестиком и ходил.

На второй или третий день командир батальона нас построил. До сих пор помню, как он ходит перед строем и говорит: «Пацаны, да вы знаете, куда вы попали?!». – «В армию...». – «Вы попали в ВДВ!!!». Сержанты: «Ура-а-а-а!..». Тогда же он нам сказал, что мы пойдём в Афганистан.

Сержанты говорят: «Сейчас проверим кто есть кто!». И мы побежали кросс шесть километров. А я на такие расстояния никогда не бегал. Ноги-то нормальные, а дышалки нет! Километра через полтора чувствую – у меня внутри всё горит! Еле-еле пилю где-то сзади. Тут один парень остановился, подбегает: «Слушай, ты когда-нибудь бегал на такую дистанцию?». – «Нет». – «Да ты чего? Ты же скоро лёгкие с кровью выплюнешь! Давай, дышалку будем ставить. Беги со мной в ногу и на каждый стук ноги вдыхай носом». И мы побежали. Это оказался парень из Чебоксар, кандидат в мастера спорта по лёгкой атлетике.

Дышалку он мне очень быстро поставил. Бежали мы с ним вместе ещё километра полтора. Мне стало полегче, я стал дышать. Он: «Ну как? Ноги – нормально?». – «Нормально». – «Давай догоним основную толпу». Догнали. – «Слушай, давай их обгоним!». Обогнали. – «Давай тех десятерых догоним!». Догнали. – «Ещё вон тех троих!». Опять догнали. Это у него такая тактика была. Говорит: «Через пятьсот метров финиш. Метров за триста рванём, потому что все рванут». Мы рванули, и на финише я ещё и его обогнал, прибежал первым.

Оказалось, что «физика» у меня есть. Этот парень научил меня правильно бегать, но в результате потом сам меня ни разу не мог обогнать. Но он оказался завистливым, радовался, что у меня получается. В результате я в роте бегал лучше всех. И у меня вообще всё получалось.

Ведь каждое утро я стал тренироваться. Все курят, а я в это время качаюсь, кирпичи держу, чтобы руки при стрельбе не тряслись.

Но когда первый кросс мы вдвоём прибежали первыми, подошли сержанты и один из них мне к-а-к врежет! А я после шести километров и так еле дышу. «За что?». «За то! Ты понял, за что?». – «Нет». Он ещё раз мне – дынь! Я: «Понял!». Но на самом деле мне было непонятно. Всех спрашиваю – за что? Я же первый прибежал! Никто тоже не понимает.

После второго кросса (я в первой десятке прибежал) мне сержант опять врезал: «Самый хитрый?». И «колобашку» сверху – бац!.. – «Понял, за что?». – «Нет!». – «Ты что, как сто китайцев тупых, как сибирский валенок!». Столько новых выражений услышал: и баран я парнокопытный, и монгол какой-то несусветный. Я всё равно не понимаю! Говорю: «Хорошо, я виноват. Тупой, деревенский – но не понимаю: за что!». Тут сержант объяснил: «Ты знаешь, что лучше всех бегаешь. Ты должен помочь тому, кто слабее всех! ВДВ – это один за всех и все за одного! Понял, солдат!?!».

И после этого как только кросс или марш-бросок пятнадцать километров, я тащу самого слабого. А хуже всех бегал пацан, у которого мама была директором кондитерской фабрики в Минске. Раз в две недели она приезжала к нам и с собой привозила кучу шоколада, служебная машина была полностью им забита. Поэтому этот парень бегал в кедах. Все в сапогах, а он – в кедах! Но всё равно бежит хуже всех. Останавливаюсь – он цепляется за мой ремень, и я тащу его за собой. Я вперёд – он меня назад дёргает, я вперёд – он меня опять назад тянет! Прибегаем минут через тридцать после всех. Я просто падаю, ноги вообще не идут. Как же тогда это было тяжело и казалось лишней обузой...

Но потом я благодарил Господа – ведь таким способом я накачал себе ноги! И в Афганистане это мне очень пригодилось.

Первые два месяца я плохо стрелял: и из автомата, и из пулемёта, и из пушки БМП-2. А для тех, кто стрелял на двойки, была такая процедура: на голову – противогаз, в руки – два чемодана. И семь с половиной километров со стрельбища – в полк бегом! Останавливаешься, выливаешь пот из противогаза, и дальше – тын-тын-тын... Но в конце концов один сержант стрелять меня всё-таки научил.

Сержанты у нас вообще были очень хорошие, из Белоруссии. Помню, рота выходит в наряд. Сержант: «Желающие – два человека в Вильнюс!». – «Я-я-я хочу!..». А мы с парнем, который был из Крыма, рядом стоим, он тоже из деревни. Решили – давай не будем торопиться, что достанется, туда и пойдём. «В районный центр столько-то человек, в кафе столько-то – нужно отвезти что-то в город». Потом: «Два человека – свинарник». Тишина... А мы же деревенские. «Давай мы пойдём!». – «Ну, давай». Дальше зачитывает: «Два человека (я и парень из Крыма) едут в Каунас. Остальные – копать окопы!». Это было очень смешно.

В следующий раз всё то же самое: желающие туда-то поехать? Тишина... Сержант нас спрашивает: «А вы куда хотите? Есть коровник, есть то-то, есть то-то...». А нам, деревенским, в коровнике – одно удовольствие! Навоз почистили, коровку подоили, молочка попили – и на сено спать. А место огороженное, коровы дальше забора всё равно не уйдут.

В школе я учился плохо. Мне на выпускном экзамене даже двойку поставили и должны были выпустить не с аттестатом, а со справкой. Но из-за того, что я остался работать в колхозе, председатель колхоза договорился: мне тройку всё-таки поставили и аттестат дали. А здесь в армии я стал лучшим солдатом, примером для других. Я выучил наизусть все инструкции, все правила дневальных, караульных. Бегал лучше всех, научился отлично стрелять, рукопашный бой получался, лучше всех проходил ВДК (воздушно-десантный комплекс. – Ред). И через пять с половиной месяцев меня признали лучшим солдатом роты.

Но оставались прыжки с парашютом... Практически у всех до армии прыжки были, а я никогда не прыгал. И вот однажды в три ночи поднимают – боевая тревога! В четыре утра – завтрак. Потом выехали на машинах в сторону деревни Гайжюнай, оттуда – марш-бросок по

лесу. И часам к десяти утра мы пришли к аэродрому. Туда на машинах уже привезли наши парашюты.

Так получилось, что день первого прыжка совпал с днём моего рождения. Всем курсантам в день рождения давали отпуск, и ты в этот день ничего не делаешь, идёшь в кафе, просто гуляешь. Офицер тебя останавливает: «Стой, куда идёшь?». – «У меня день рождения сегодня». Без разговора – свободен, иди гуляй дальше. А тут в три ночи подъём, марш-бросок и первый прыжок! Но такое событие на следующий день не переносится...

Мы сели в «кукурузник», самолёт Ан-2. Было нас человек десять. А все опытные, у одного – вообще триста прыжков! Он: «Ну что, пацаны! Трусите?!». Все вида не подают, я тоже стараюсь держаться. Ведь к тому времени я был среди лучших!

Прыгал я по росту и по весу четвёртым. Все улыбаются, шутят, а я даже улыбку не смог выдавить из себя. Сердце – тын-тын, тын-тын... Про себя говорю: «Господи! Я должен прыгнуть, я должен прыгнуть! Я же в числе лучших числюсь. Что будет, если я не прыгну? Позор на всю жизнь. Я так рвался в ВДВ! Я прыгну, я прыгну!.. Никто же не разбивается... Я заставлю себя!». Так сам с собой и разговаривал до самой сирены. А когда она сыграла, я увидел, что трусят все...

Раньше дважды во сне я видел ад. Сон такой – падаешь в бездну с невероятным страхом!.. Страх этот у меня в мозгу и засел. (Это потом я узнал, что такие сны видишь, когда растёшь.) И вот этот самый страх напал на меня в самолёте! Встали, проверили, чтобы всё было застёгнуто. Я строго по инструкции схватился правой рукой за кольцо, левой – за «запаску». Инструктор командует: «Первый пошёл, второй пошёл, третий пошёл...!»! Шёл я с закрытыми глазами, но у самых дверей пришлось их открыть: по инструкции, надо определённым образом ногу поставить и потом нырять по ходу. И я вижу, что внизу облака – и дальше ничего нет!.. Но спасибо инструктору – он мне помог практически: «Четвёртый пошёл!..». И я пошёл...

Но как только вылетел из дверей, мозг сразу заработал. Ноги поджал под себя, чтобы они во время кувыркания не заплели выходящие стропы. «Пятьсот двадцать один, пятьсот двадцать два... пятьсот двадцать пять. Кольцо! Потом – кольцо за пазуху!». Это я себе такие приказы давал. Обратил внимание, что сердце, которое невероятно билось в самолёте, после прыжка через какую-то секунду перестало уже так стучать.

Сильный рывок, даже ногам больно стало! Открылся парашют. А у меня в голове крутится инструкция: перекрестить руки, посмотреть, нет ли кого-то рядом. И тут наступило такое блаженство!.. Вокруг парни летят. – «Витё-ё-ё-ёк, приве-е-е-ет! Ко-о-о-о-оля, приве-е-ет!». Кто-то песни поёт.

Но как только я посмотрел вниз, то тут же судорожно схватился за стропы – земля уже близко! Приземлился нормально. Но из-за того, что я перенервничал, у меня ещё в воздухе началась «медвежья болезнь»! Думаю: «Быстрее бы упасть на землю, да поближе к каким-нибудь кустам!». Погасил парашют строго по инструкции: потянул на себя стропы, потом резко отпустил. А тут же быстренько с себя всё скинул и бегом в кусты! Сижу там... Бам! Рядом сапог упал. Только тут до меня дошло, зачем десантники завязывают шнурки на голенищах сапог. Собрал парашют. Иду по полю. Рядом – бум! Это кольцо с тросиком упало, кто-то его выбросил, а не затолкнул за пазуху! А я уже шлем снял. Тут же снова натянул его на голову, ещё и парашют сверху поставил.

Здесь же, в лесу, нам дали значки, шоколадки. И вручили по три рубля, положенные солдату за каждый прыжок. Офицерам платили по десять рублей. Сразу стало понятно, почему все так рвались на прыжки. После первого прыжка на полмесяца настроение у меня улучшилось, как будто силы дополнительные появлялись. (Всего у меня было шесть или восемь прыжков. В Афгане, конечно, прыжков не было. Сначала командование планировало организовать. Мы даже подготовились, собрали парашюты. Но в назначенный день прыжки отменили – побоялись, что душманы могут устроить засаду.)

Один из семи парней, с которыми мы вместе призывались из Мордовии, попал служить со мной в одно отделение. У нас даже кровати были рядом. Я думал: «Какое счастье, что рядом есть земляк!». Ведь деревенским парням намного сложнее, чем городским, уезжать из дома. В первое время было очень тяжело, просто невыносимо тяжело. Он оказался неплохим парнем, и мы с ним постоянно общались. Его родная сестра работала медсестрой в госпитале в Кабуле. И она писала ему такие страшные письма! Письма на гражданку цензура точно читала и много чего не пропускала. А это были письма между воинскими частями, поэтому, наверное, они доходили. И вообще солдатам из учебки разрешали переписываться с солдатами, которые уже воевали в Афганистане.

Мы читали письма сестры вместе. Сестра писала, что почти восемьдесят процентов ребят болеют гепатитом, процентов двадцать пять раненые, процентов десять – калеки, очень много убитых. Она ему писала: «Я не хочу, чтобы ты здесь служил!». И через три с половиной месяца её брат сломался... Пошёл к командиру полка, показал письма и сказал, что не хочет в Афганистан. Командир: «Хочешь в ремроту, в постоянный состав?». – «Хочу!». И через две недели его перевели в ремроту. Я переживал – мы с ним сильно сдружились.

А ещё через какое-то время он стал уговаривать меня: «Давай оставайся, давай оставайся...». Я думаю, что он, увильнув от Афгана, искал себе оправдание в том, что он не один такой будет.

Мы, курсанты, ходили очень чистые и опрятные: мылись, форму стирали... А он приходил из ремроты весь в мазуте, чёрный, невыспавшийся – дембеля его гоняли там, как сидорову козу. А у нас в учебной роте и дембель был только один. Сержанты нас, конечно, гоняли, но такой дедовщины, как в ремроте, не было.

Мой товарищ сходил к командиру полка: «У меня есть земляк, Виктор. Он и токарь, и вообще хорошо служит. Может, его тоже оставите?». Меня командир полка пригласил: «В Афгане хочешь служить?». – «Да не очень хочется, если честно признаться». – «Хочешь остаться?». – «Ну можно остаться...». – «Ладно, сделаем на тебя приказ».

Незадолго до этого ко мне приехала мама в гости. Её я позвал сам. Хотя принципиально я, как и все, был против приезда родителей. Я же не маменькин сыночек! Но я ехал в Афганистан, где, возможно, меня убьют. Я хотел с ней сфотографироваться, попрощаться. Она не знала, что нас готовят в Афган, и я не собирался ей об этом говорить. (Кстати, почти до самого конца моей службы она так и не знала, что я служу в Афганистане.)

Мама приехала вместе с мужем моей сестры. Спрашивают: «Где будешь служить потом?». – «Отправят в какую-нибудь часть». Но на следующий день, когда мама пришла ко мне, на КПП она увидела рыдающую женщину: сына берут в Афганистан!.. Мама тоже расплакалась. Говорит: «А мой сын не идёт в Афганистан». – «А в какой роте он служит?». – «Не знаю». – «А буква какая?». – «Е». – «А у моего тоже «Е»...». – «А мой сказал, что вся рота идёт в Афганистан!».

Прихожу – мама рыдает. «А ты, оказывается, в Афганистан идёшь, скрывал от меня!». – «Мама, я не иду в Афганистан». А она мне разговор с той женщиной пересказывает. Спрашиваю: «А как её сына зовут?». – «Такой-то». – «Да, он идёт, а меня в другое место отправляют». Сам про себя думаю: «Ну и козёл...».

Целый день мы с мамой гуляли. Вечером прихожу к командиру полка: «Дайте мне какую-нибудь бумажку, что я не иду в Афганистан, мама не переживёт этого». Командир вызвал писаря, тот написал, что я командирован на полтора года в Братиславу в Чехословакию. Командир расписался, печать поставил. Я принёс бумагу маме: «Вот, пожалуйста! Это приказ, что я в Чехословакию иду служить, успокойся». Мама так обрадовалась!

Я вернул бумажку командиру полка. Он: «Ну, успокоилась?». – «Успокоилась». Разорвал, и мне: «Ладно, иди». Потом я пошёл к парню, от которого всё пошло. – «Ты что, обалдел? Скажи своей маме, что я точно не иду в Афган!».

Тут командир полка выпустил приказ, что я остаюсь в постоянном составе в ремроте. Но когда приказ состоялся, мне стало не по себе, муторно на душе. Не хотели в Афган многие, но деваться было некуда. А я ведь всегда был примером, ходил по прямой. А тут как-то извернулся, увильнул...

За две недели до отправки нам выставили оценки, и я увидел, что оказался в числе лучших солдат полка. Меня все поздравили. И тут же в роту принесли приказ, что я остаюсь в постоянном составе. Все: «Витёк, мы так рады, что ты остаёшься! Не отлынивал, пахал, как папа Карло. Давай, Витёк! Будем переписываться. Если кого-то убьют, мы тебе напишем...».

Я собрал рюкзак, стал уже прощаться, и вдруг у меня сами собой потекли слёзы: «Боже мой, эти парни мне же ближе, чем родные, стали!». У некоторых тоже слёзы на глаза навернулись. Выхожу из роты (это четвёртый этаж), стал спускаться по лестнице, чувствую – ноги не идут. Меня стала душить совесть, мне воздуха не хватало. Стало так плохо... Думаю: «Это я, лучший солдат роты, увиливаю от Афганистана? Это не по-человечески!». Появилось явное чувство, что они все идут в рай, а я из рая ухожу.

Бросил рюкзак прямо на площадке и побежал к командиру полка. – «Товарищ полковник, виноват! Простите, спасите меня!». А там какие-то офицеры сидели. Он: «Солдат, я тебя помню. Что случилось?». – «Спасите!». – «Что надо?». – «Отправьте в Афганистан!». – «Почему?». – «Не могу, совесть меня душит. Я хочу с ребятами!». Он: «Подожди». Пошёл, достал мою папку из архива. Копался, копался (а там на меня уже листов пятнадцать было написано), вытащил заявление о том, что я хочу остаться в части. – «На, рви!». Я разорвал. – «Пиши заявление в Афганистан. Я, такой-то такой-то, хочу в Афганистан по собственному желанию. Расписывайся, дату ставь». Положил в мою папку заявление: «Отнесите, отдайте в афганскую группу. Поедешь в Афганистан». Я: «Спасибо!..». – «Подожди!».

Полковник вышел со мной на улицу и произнёс слова, которые я запомнил на всю жизнь. Я никогда таких в свой адрес не слышал. В школе меня только ругали, обзывали по-всякому. А полковник сказал: «Знаешь, я с тобой пообщался и понял – у тебя очень сильные моральные качества. Ты сможешь выдержать любые нагрузки, любые испытания. Никогда не бойся. Если другому очень тяжело и он чего-то не может, знай: ты сильнее его. Это тебе поможет». Обнял меня: «Служи хорошо, не подводи наш полк!». – «Спасибо, товарищ командир!». И побежал к себе.

На лестнице хватаю рюкзак, забегаю в роту. – «Витёк, что случилось?». – «Ребята, я еду с вами в Афган!..». И тут мы снова обнялись до слёз... Потом я пошёл к земляку в ремроту: «Ты прости, Олег, но я еду в Афганистан». – «Жалко, конечно, что я здесь один остаюсь. Вдвоём веселее было бы». – «Да, но я не могу».

Я подумал тогда, что убежал от первого промысла Божьего (от трудностей трёхлетней службы в морфлоте отказался), но тогда Господь увеличил трудности ещё больше – в Афганистан пойдёшь! А я ведь сам хотел в десантные войска, хотел же испытать себя. И Господь дал мне такую возможность. Но дал и направление – Афганистан. А я решил этого избежать! И, что интересно, Господь дал мне возможность выбора (я ведь мог избежать этих трудностей). Но одновременно Он дал мне совесть и этим спас меня. Если бы я увильнул от Афгана, я бы точно погиб, (если даже не физически, то морально), стал бы совершенно другим человеком, сломался бы, как многие мои земляки, не мог бы жить нормально, если бы перестал себя уважать.

Через пару недель нас посадили в двухэтажные десантные ИЛ-76, и мы долго-долго летели до Кировобада. В Гайжюнае было холодно, а выходим из самолёта – двадцать семь градусов тепла! Дали сухпайки, мы чего-то поели и полетели дальше, в Фергану. Вышли из самолёта – темнота, ничего не видно. Стояли на аэродроме, стояли... Тут говорят: ночевать будем в Ферганском десантном учебном полку. Пошли туда пешком. Идём, идём по пустыне, идём, идём... Так шли то ли пятнадцать, то ли семнадцать километров.

Жили мы в полку трое суток, спали в каких-то жутких условиях. Ведь мы прибыли из культурной Прибалтики! И здесь условия – как в Афганистане: вода течёт только из каких-то дырочек в трубах, туалет на улице.

Нам говорили, что задержка с отправкой – из-за урагана, самолёт не может сесть. А потом выяснилось, что накануне сбили самолёт с дембелями. Нам, конечно, ничего не сказали. Через три дня снова пешком пришли на аэродром. Посадили нас не в военный самолёт, а в гражданский Ту-154. Самолёт летел на максимальной высоте, ведь тогда уже появились «стингеры» (переносной зенитно-ракетный комплекс производства США. – Ред.). Горы сверху казались такими маленькими. Красота неопишная! А вот когда подлетели к Кабулу, началось что-то невообразимое. Самолёт стал заходить на посадку по крутой спирали с пикированием. Было такое ощущение, что мы просто падаем! Сели, смотрим в иллюминаторы – вокруг средневековье, холмы облеплены мазанками. Появилось ощущение, что мы на триста лет назад на машине времени провалились.

Прямо у трапа встретили дембелей, которые на этом самолёте должны были улететь. Матёрые такие: чёрные от загара, в парадке, с медалями, с аксельбантами! И у всех в руках дипломаты (небольшие плоские чемоданчики) одинаковые. – «Откуда? Есть кто-то из Перми, из Иркутска?..». Мы спускаемся, они кричат: «Вешайтесь, сынки! Тут вам конец!».

Пересыльный пункт был метрах в двухстах. Туда за нами пришёл офицер: «За мной!». Тут же начиналась артиллерийская часть. Она была в самом конце аэродрома за взлётной полосой (артиллерийский полк 103-й Витебской воздушно-десантной дивизии. – Ред.). Через «артполчок» мы пришли в «полтинник» (350-й полк 103-й дивизии ВДВ. – Ред.). Завели нас в клуб, мы расселись в зале. Пришли «покупатели»: – «Так, сначала в разведроту дивизии». Кричу: «Я, я хочу!». – «Ладно, иди сюда. Где учился?». – «В шестой роте в Гайжюнае». – «Нет, не можешь. Мы берём только разведчиков». – «Ка-а-ак?!». Но всё-таки с моего взвода один парень попал, Володя Молотков из Череповца (он, слава Богу, остался жив). Они разведчиков не добрали, а он к ним ближе всех стоял.

А я всё рвусь и рвусь! Мне один «покупатель» говорит: «Да что ты всё время рвёшься куда-то?!». – «Я хочу в боевую роту, воевать!». – «Тогда пойдёшь ко мне в 1-ю роту». Так я попал в 1-е отделение 1-го взвода 1-й роты 1-го батальона 350-го полка. А 1-я рота всегда первой десантируется, самой первой поднимается в горы и самой первой захватывает горки. И если 1-я рота поднималась выше всех, то 1-й взвод в ней уходил дальше всех и поднимался выше всех и оттуда докладывал полку, что творится вокруг.

Вместе с нами пришли «ферганцы», солдаты из учебного полка в Фергане. Внешне мы друг от друга очень сильно отличались. Мы все мордovorоты, кровь с молоком. Ведь нас в учебке кормили как на убой: шоколадное масло, яйца, печенье. А «ферганцы» тощие – их кормили одной капустой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.